

Научная статья

УДК 94

DOI 10.46698/VNC.2024.1.1.011

В.Д. Дзидзоев

Роль Петербургской академии наук в становлении научного осетиноведения

Валерий Дударович Дзидзоев

Горский государственный аграрный университет, профессор, доктор исторических наук, Владикавказ, Россия, dzidzoevv@mail.ru

Аннотация. В статье анализируется деятельность первых российских научных экспедиций на Кавказ и в Осетию с целью изучения народов, постепенно входивших в лоно Российской империи. Большое внимание уделяется первым ученым, которые изучали историю осетинского народа по заданию Петербургской академии наук, военным и гражданским чиновникам, оставившим интересные и ценные сведения о народах Кавказа, в том числе осетинах.

Ключевые слова: Осетия, Кавказ, Российская империя, история, культура, Грузия, Дарьял, Военно-Грузинская дорога, крестьяне, князья, аристократы, наука, исследования, иностранцы

Для цитирования: Дзидзоев В.Д. Роль Петербургской академии наук в становлении научного осетиноведения // Вестник Владикавказского центра РАН. 2024. Т. 24. № 1. С. 10–16. DOI 10.46698/VNC.2024.1.1.011

The role of the St. Petersburg Academy of Sciences in the formation of scientific Ossetian studies

Valery D. Dzidzoev

Gorsky State Agrarian University, Dr., Professor, Vladikavkaz, Russia, dzidzoevv@mail.ru

Abstract. The article analyzes the results of the first Russian scientific expeditions that visited Ossetia and the Caucasus aimed at studying the peoples who gradually entered the bosom of the Russian Empire. Much attention is paid to the first scientists who studied the history of the Ossetian people on the instructions of the St. Petersburg Academy of Sciences, military and civilian officials who left interesting and valuable information about the peoples of the Caucasus, including Ossetians.

Keywords: Ossetia, Caucasus, Russian Empire, history, culture, Georgia, Daryal, Georgian Military Road, peasants, princes, aristocrats, science, research, foreigners

For citation: V.D. Dzidzoev. The role of the St. Petersburg Academy of Sciences in the formation of scientific Ossetian studies // Bulletin of the Vladikavkaz Center of the Russian Academy of Sciences. 2024. Vol. 24. No.1. P. 10–16. DOI 10.46698/VNC.2024.1.1.011.

Петр Великий давно вынашивал планы создания мощного научного учреждения, которое бы объединяло и направляло всю научную работу в огромной империи. Эту задачу он решил в 1724 г., учредив Академию наук в Петербурге. На начальной стадии работы академии сюда, в Петербург, в основном приглашали ученых из других стран (Германии, Голландии, Англии и т. д.). Выдающийся советский ученый академик С.И. Вавилов писал: «Академия наук в Петербурге сделалась основным истоком новой русской науки. Почти все, что было достигнуто в области науки в Российской империи в XVIII в, непосредственно или косвенно исходило из Петербургской Академии. В истории мировой культуры в прошлых веках нельзя указать другой пример столь же быстрого и эффективного выращивания науки, как это было в Российской империи в первой половине XVIII в. через посредство Петербургской Академии» [1, с. 40–41].

Необходимо напомнить, что в XVIII в. терри-

тория нашей страны значительно расширилась, в этот же период Осетия стала составной частью империи. Разумеется, новые присоединенные земли требовали научного изучения истории народов, природных богатств, этнографии, образа жизни. В октябре 1767 г. в Академии наук было принято ответственное решение об организации в следующем году научных экспедиций на север, восток и юг. Эти экспедиции, которые в документах тех далеких времен значатся как отряды, получили официальные наименования: «Оренбургская», а две другие – «Астраханские». Руководителями экспедиций были назначены крупные и авторитетные ученые, среди которых преобладали иностранцы (П.С. Паллас, И.П. Фальк, И.А. Гюльденштедт, И. Георги и др).

Надо сказать, участники экспедиции проводили изыскания не только и не столько исторического и этнографического направления, сколько геологического характера, выясняя размещение на этих территориях полезных ископаемых (например, в

Осетии было много свинца, в котором нуждалась Российская империя, периодически воевавшая с Османской империей и не только с нею), определяя уровень развития отдельных отраслей сельского хозяйства и т. д. Члены научных экспедиций, особенно их руководители, отличались не только высоким для своего времени профессионализмом, но и исключительной целенаправленностью, трудолюбием, уважением к изучаемым народам. Посланцев академии интересовали многие стороны жизни коренных народов, о которых почти ничего не было известно. Им были интересны сведения о фактическом состоянии народного образования, медицинского обслуживания и, конечно же, отношении местных народов в целом к Российской империи.

Экспедиция, возглавляемая И.А. Гюльденштедтом, с января 1770 г. по август 1771 г. побывала в различных районах Северного Кавказа. Несколько месяцев, проведенных в Дигорском обществе, позволили собрать в высшей степени интересный материал по истории, географии и этнографии осетин-дигорцев. Затем Гюльденштедт в сопровождении казаков выехал в Грузию по Военно-Грузинской дороге. В ноябре того же года ученый прибыл в Тифлис, по пути продолжая тщательно и скрупулезно собирать различные сведения об осетинах – жителях Южной Осетии. Это особенно ценно, т. к. Гюльденштедт, во-первых, четко фиксировал десятки населенных пунктов, где издавна проживали южные осетины, а во-вторых, он фиксировал и населенные пункты, где совместно и издавна проживали осетины и грузины. Гюльденштедт побывал во многих местах Южной Осетии, особенно в Джавском и Ксанском ущельях, а также в большом осетинском селении Кударо. Кроме того, ему удалось обследовать бассейны рек Большая Лиахви и Малая Лиахви. Он изучил культуру и быт южных осетин и в некоторых других населенных пунктах. На обратном пути из Грузии ему и членам экспедиции также удалось основательно побеседовать с осетинами из с. Коби. Важно отметить и другой аспект экспедиции Гюльденштедта. Дело в том, что ему большую помощь оказывали малокабардинские князья и осетинские феодалы, которые придерживались русской ориентации.

Будем помнить, что Гюльденштедт побывал в горах Осетии до присоединения Осетии к Российской империи. Его экспедиция, как, впрочем, и другие, проходила в чрезвычайно тяжелых условиях, так как они были связаны, во-первых, с отсутствием нормальных дорог, а во-вторых, с риском для жизни. На горных дорогах на путешественников иногда нападали разбойники, которые, беря в заложники путников, в результате переговоров возвращали их за определенную сумму денег. Тем не менее экспедиция, испытав огромные трудности, выполнила задание Петербургской академии наук, что радовало в первую очередь самого путешественника и членов его комиссии. Уже в столице, в 1775 г., Гюльденштедт внимательно и всесторонне обработал

свои путевые записки, которые были положены в основу его фундаментального исследования. Будучи медиком по образованию, он принимал активное участие и в ликвидации в 1781 г. так называемой «гнилой горячки», распространенной в тот период в Петербурге. Судьбой ему суждено было прожить всего 36 лет, он умер в марте 1781 года. Исследователь его биографии профессор Н.А. Полиевктос справедливо подчеркивает, что Гюльденштедт «открывает собою новый отдел в истории русского научного кавказоведения XVIII века» [2, с. 123].

Фундаментальный труд Гюльденштедта о Кавказе до сих пор считается уникальным в кавказоведческой литературе. Раздел исследования, посвященный Осетии, был издан в 1967 г. известным осетинским этнографом профессором Б.А. Калоевым в книге под названием «Осетины глазами русских и иностранных путешественников».

Одним из первых исследователей истории Осетии по праву считается и Петр Паллас, который родился в сентябре 1741 г. в Берлине. Получил блестящее по тем временам образование в Германии, Англии и Голландии. В 1767 г. переехал в Российскую империю и в течение более 40 лет талантливо и целенаправленно работал на благо развития и совершенствования российской науки. Петр Паллас был одним из крупнейших ученых-энциклопедистов XVIII в. Круг его научных интересов, как и интересов других ученых того периода, охватывал многие отрасли науки – медицину, историю, этнографию, географию, языковедение, сельское хозяйство и т. д. Он совершил два путешествия на Кавказ. Второе путешествие П.С. Паллас предпринял в 1793 г. Он считал свое путешествие продолжением академических экспедиций 1768–1774 гг., в результате которых ему удалось собрать оригинальный и в высшей степени интересный материал о некоторых народах Кавказа, в том числе и об осетинах. Сведения о народах Северного Кавказа составлены ученым на основании литературных источников, а также интересных показаний информированных людей, с которыми Паллас был в близких отношениях. Одним из них был Левега фон Штедер, выходец из Пруссии, дослужившийся в Российской императорской армии до чина подполковника. Паллас внес существенные коррективы в некоторые вопросы происхождения осетин, о чем он писал не только в своей работе «Заметки о путешествии в южные наместничества Российского государства в 1793 и 1794 гг.», но и в некоторых других опубликованных материалах. Паллас оставил интересные сведения и о других народах Северного Кавказа. Однако ученый уделил особое внимание осетинам, язык которых существенно отличался от языков других народов региона. Он пришел к выводу, что на Кавказе «осетины совершенно особенный народ» [3, с. 373].

П.С. Паллас обратил внимание на индоевропейское происхождение осетинского языка, что потом подтвердили и многие другие ученые-иссле-

дователи. Более подробно он останавливался на Дигорском обществе, обозначив отдельные существенные аспекты менталитета осетин-дигорцев. Думается, Паллас смог заглянуть достаточно глубоко в их психологию, внутренний мир, отличающийся особой сложностью и противоречивостью. Он писал: «Дигорцы издавна живут отдельно от осетин; одни являются вассалами баделят (феодалов осетин-дигорцев. — **Авт.**), дворянского племени, живущего в горах, а другие независимы. Жители Донифарса, так же, как и население соседних селений, расположенных на левом берегу Уруха, живут по-республикански и в очень плохих отношениях с другими дигорцами» [3, с. 373]. Здесь, конечно, ученый ошибается, утверждая, что «дигорцы издавна живут отдельно от осетин». Два с лишним века назад он мог не знать, что дигорцы являются составной частью единого осетинского народа. Прав он в том, что указывает на «республиканское общество» в Донифарсе, так как и некоторые другие ученые и путешественники отмечали там же «республиканское правление». Трудно возразить ученому, который уже в те далекие времена заметил, что эти «дигорцы находятся в очень плохих отношениях с другими дигорцами». П.С. Паллас сообщает и о том, что в религиозных верованиях осетин есть кое-что, чего нет у соседних народов Северного Кавказа. Он впервые сообщает очень интересные сведения о тотемистических верованиях осетин. Так, он пишет: «У них (в Дигорском ущелье Северной Осетии. — **Авт.**) имеется замечательная пещера Святого Николая, который явился к ним (дигорцам. — **Авт.**) будто бы в виде орла, они кладут в нее жертвенное мясо, за которым прилетают орлы» [3, с. 373]. Актуальны и десятки других интересных наблюдений ученого, которые и сегодня не теряют своей значимости.

Таким образом, Петербургская академия наук в течение XVIII в. проводила большую и необходимую работу по сбору и анализу сведений о различных областях и регионах Российской империи, в том числе на Северном Кавказе, который полностью или частично вошел в состав империи.

Выше мы уже отмечали, что в Петербурге проявляли большой интерес к Кавказу еще и потому, что здесь, в его недрах, было много нужных для империи полезных ископаемых (медь, руда, свинец, марганец и т. д.). Затрагивая этот аспект, уместно будет хотя бы коротко сказать о геологических экспедициях Степана Вонявина (1768 г.) и Афанасия Батырева (1774 г.), которые побывали со своими экспедициями и в Северной Осетии. Занимаясь в первую очередь изучением рудных месторождений, экспедиции тем не менее должны были определить и уровень экономического развития многонационального региона, и, конечно же, осторожно и в высшей степени деликатно прозондировать почву у местного населения по вопросу их отношения к русским и Российской империи. Степан Вонявин подчеркивал, что «они (осетины. — **Авт.**)

с крайнею охотою желают выйти из гор для поселения на степь Малой Кабарды и быть под покровительством Российского двора» [5, с. 216]. Видя и зная действительно тяжелое положение осетин, живущих в горах, российский геолог подчеркивает и то, что к переселению на плоскость осетин вынуждает «претрудная их жизнь в хлебопашестве и скотоводстве по горам» [5, с. 217]. Степана Вонявина интересовали и некоторые другие «мелочи» ежедневной и тяжелой жизни осетин. Судя по его записям, это были вопросы приобщения осетин к христианской вере, проблеме образования, здравоохранения и т. д. Большое внимание С. Вонявин уделял просвещению переселявшихся с гор на равнину осетин, для чего он считал необходимым в Моздоке организовать специальную школу, где бы осетины могли иметь не только начальное образование, что, по его мнению, должно было привлекать «к Российской стороне больше усердием склоняться» [5, с. 217]. Как масштабный человек и, судя по всему, относившийся с уважением к осетинам, С. Вонявин в своих рапортах и путевых заметках не просто констатировал отдельные важные положения в судьбе осетинского народа. Он, например, четко поместил в приложении к докладной записке места для проживания предполагаемых переселенцев-осетин. Кроме того, он сообщил ценные сведения о социальных отношениях в осетинских обществах, уделив особое внимание взаимоотношениям осетин с кабардинцами и грузинами. Таким образом, не будет преувеличением утверждение о том, что результаты первых экспедиций Петербургской академии наук, в том числе и сведения, полученные в результате экспедиции С. Вонявина, других русских ученых, стали надежной основой к более подробному и обстоятельному научному изучению истории Осетии.

Нельзя здесь обойти вниманием и огромную работу офицера Российской императорской армии Левегата фон Штедера, выходца из Пруссии, выполнившего в 1781 г. исключительно важное задание в горах Осетии. В русскую историографию он вошел как Леонтий Штедер, оставивший после себя интересный «Дневник путешествия из пограничной крепости Моздок во внутренние местности Кавказа, предпринятого в 1781 году». Анализ этого дневника на достаточно высоком уровне был проведен профессорами Г.А. Кокиевым, М.С. Тотоевым, М.М. Блиевым и другими учеными-кавказоведами. «Дневник» впервые был напечатан в 1796 г. П.С. Палласом. Часть материала, где Штедер описывает историю Осетии, впервые была издана на русском языке первым осетинским профессором истории Г.А. Кокиевым [6]. Кроме того, материалы Л.Л. Штедера включены в книгу профессора Б.А. Калоева под названием «Осетины глазами русских и иностранных путешественников» [6, с. 27–70]. Отмечу, что биографические данные российского офицера иностранного происхождения почти неизвестны, ни год его рождения, ни дата его смерти.

Однако мы знаем, что Штедер много раз принимал участие в различных военных сражениях и экспедициях в составе российских войск на Кавказе. За личное мужество и храбрость он награждался орденами и медалями. Для исследователей истории Осетии важно знать, что в 1781 г. Штедер был командирован для осмотра Кавказских гор [7, с. 122]. Итогом поездки стал его «Дневник путешествия...». Профессор Г.А. Кокеев, изучавший историческое наследие Штедера, так отзывался о его сочинении: «Дневник Штедера» характеризует Осетию второй половины XVIII в. в географическом, этнографическом и социально-экономическом отношениях, а самое главное – он дает богатейший материал по классовой борьбе, происходившей в то время внутри осетинского общества» [6, с. 5].

Следует сказать, что Штедер, как, впрочем, и другие путешественники и ученые, был снабжен подробной инструкцией, которой следовал. По ней он должен был составить военную топографическую карту, проводить вдумчивую и тщательную работу среди простых горцев, выяснять их отношение к русским и Российской империи и т. д. Кроме того, он обязан был собирать как можно больше сведений не только о природных богатствах Осетии, но и проводить ее географическое обследование. Эти задания Штедер максимально выполнил, а материал по этнографии в его известном «Дневнике» до сих пор представляет научную ценность.

Внимательный анализ этого труда свидетельствует о том, что автор относился достаточно уважительно к осетинам, в отличие от тех, кто считал их всех «разбойниками», «фанатиками», «дикими» и т. д. Заслуживает внимания и то, что Штедер оставил нам критические замечания в адрес руководства Российской империи, особенно той политики, которую она проводила на Кавказе. Царский офицер считал «обычным предразсудком надуманные утверждения тех лиц, которые считали, что отношения горцев с русскими никогда не будут безопасными» [4, с. 44]. Недоверчивое, а порой даже враждебное отношение горцев-осетин к представителям царской администрации, автор «Дневника» не склонен был объяснять «враждебной дикостью» горцев, как это делали некоторые путешественники [4, с. 44]. И уж совсем подкупает объективность и откровенность Штедера, который в те времена осмелился написать: «Наше собственное поведение является причиной многих неприятностей» [4, с. 44]. Подводя краткий итог анализа «Дневника» Штедера, можно с уверенностью сказать, что он является объективным историческим сочинением, содержащим богатый исторический и этнографический материал. Кроме того, это ценный источник для изучения хозяйственных занятий и социальных отношений в Осетии в XVIII в. А что касается классовой борьбы осетинского крестьянства со своими феодалами-баделята-

ми, то эти свидетельства фактически являются не только первыми в историографии Осетии, но и представляют собой уникальное явление.

Интересные сведения об Осетии и осетинах мы находим и в сочинении другого немца – Якоба Рейнеггса, под названием «Общее историко-географическое описание Кавказа». Автор в 1773 г. защитил диссертацию на степень доктора медицины в одном из престижных университетов Венгрии. Якоб Рейнеггс по собственному желанию решил изучить историю народов Кавказа, в том числе и осетин. С этой целью он приехал в Тифлис, где был принят на службу при дворе Картли-Кахетинского царя Ираклия II. Изучая народы Кавказа, он уделял больше внимания истории грузинского народа, но и те скудные сведения об осетинах и Осетии, которые содержатся в его исследовании, имеют большое значение.

Если бы Якоб Рейнеггс ничего больше не сделал, кроме того, что высказал интересную и обоснованную с научной точки зрения гипотезу, что «ассы Плиния... были, без сомнения, основным племенем теперешних осетин» [8, с. 213], то и в этом случае он бы пополнил ряд основателей научного алановедения. Немецкий ученый был блестящим знатоком языков многих народов. Скорее всего, именно этот фактор позволил ему высказать интересные наблюдения относительно осетинского языка. Он, в частности, подчеркивал, что «их (осетин. – **Аем.**) язык совершенно отличается от разнообразных наречий остальных жителей Кавказа, сходство наблюдается только с некоторыми персидскими и грузинскими словами» [8, с. 214]. Якоб Рейнеггс правильно обратил внимание на языковую особенность осетин, которые действительно являются ираноязычным народом, а влияние грузинского языка не подлежит сомнению, так как на протяжении многих веков происходило взаимовлияние и взаимообогащение грузинского и осетинского языков. Я. Рейнеггс, верно служивший российской науке, подметил и некоторые другие важные моменты в истории и особенно этнографии осетинского народа. Он оставил интересные сообщения о религиозных верованиях осетин, народной медицине, об обычаях кровной мести, о гостеприимстве и т. д.

Необходимо сказать и добрые слова в адрес тех российских ученых, которые посвятили свою жизнь серьезному и продолжительному научному изучению истории осетинского и других народов Кавказа. Среди них были не только талантливые и признанные ученые, которые годами карабкались по очень сложной и опасной научной дороге, пробивая последующим поколениям путь к вершинам образования и науки. Современные ученые, на мой взгляд, не всегда даже осознают тот колоссальный труд, который они вложили в свои исследования, где были не только большие успехи, но и, как подчеркивалось выше, и отдельные

недостатки, заблуждения, поверхностные выводы, впоследствии не подтвержденные научными поисками их последователей. Однако их заслуга состоит в том, что они были первопроходцами, фанатично преданными своему делу. К ним бы я еще отнес академика Петербургской академии наук Герарда Фридриха (Федора Ивановича в русской транскрипции) Миллера, который выдвинул обоснованную концепцию об аланском происхождении осетин. Он был талантливым и крупным ученым, написавшим фундаментальный научный труд «О народах, издревле в России обитающих» [12]. Изучив достаточно большое количество документов, Миллер пришел к выводу, что «средневековые ассы (предки современных осетин. – **Авт.**) являются в родстве с нынешними осетинами» [12, с.17–18].

К самоотверженным ученым, о которых говорилось чуть выше, следует отнести и И.О. Потоцкого (1761–1815), который получил блестящее образование в Женеве и Лондоне. В 1798 г. он отправился в научное путешествие на Северный Кавказ, где побывал и в Осетии. Его очень интересовала история Скифии, о которой он много читал у Геродота. Завершив свое путешествие, ученый вернулся в Петербург и внимательно начал анализировать огромный собранный материал. В 1802 г. Потоцкий издал монографию, где обобщил на иностранном языке свои путевые заметки, сделав целый ряд интересных предположений. В частности, он обратил внимание на то, что современные осетины были известны по древним и средневековым письменным источникам под другими наименованиями – аланы, осы, ясы и т.д. Анализ собственных путевых заметок, а также других письменных источников позволили Потоцкому сделать научно обоснованный вывод, что осетины являются частью средневековых алан-ясов (осов). Этот вывод в последующем ученые в основном подтвердили, расширив доказательную базу. В итоге российская наука «уже к началу XIX в. вплотную подошла к справедливому и верному с научной точки зрения решению вопроса о роли алан в этногенезе осетин, усматривая в них непосредственных предков этого народа» [4, с. 48].

Определенный вклад в научное кавказоведение, в том числе и в осетиноведение, в первой четверти XIX в. внес и С.М. Броневский (1763–1830). Он долгое время состоял на военной службе на Кавказе и в то же время выполнял ответственные поручения Кавказской администрации, касавшиеся проблем гражданской службы. Как образованный и дальновидный чиновник, которому было интересно узнать подробности истории народов Кавказа, Семен Михайлович много преуспел в ее изучении. Он занимался исследованиями в свободное от службы время. По его собственному признанию, ученый хотел «доставить Европе основательные сведения о по-

литическом и гражданском тамошних (кавказских. – **Авт.**) народов» [13, с. 7]. Основным его научным достижением следует признать капитальное исследование под названием «Новейшие географические и исторические известия о Кавказе и его народах», ставшее вехой в изучении истории народов многонационального Кавказа, в том числе и осетин. С.М. Броневский уделяет серьезное внимание описанию их общественно-политического строя. Ему принадлежит значительная заслуга в определении различных форм правления народов края. В основном он разрабатывал общественные и политические отношения кавказских народов. В своем исследовании ученый-кавказовед допускает, по моему убеждению, отдельные ошибки. Так, он подчеркивает: «Абхазы, Осетины, Кисты, Ингуши, Чеченцы... управляются князьями и старшинами наследственно и частью старшинами по выбору» [13, с. 39]. Конечно, он допускает ошибку, утверждая, что осетины, кисты (часть вайнахского народа, который в основном живет на территории Грузии. – **Авт.**), ингуши, чеченцы управляются князьями. У них не было князей. Важно подчеркнуть, что исследование С.М. Броневского является первой попыткой в историографии Кавказа, где дается в целом правильная оценка общественного строя коренных народов края. Ученый верно определил основные закономерности и специфику феодальных отношений в первой четверти XIX в. у отдельных народов Кавказа, скажем, у кабардинцев и у некоторых других адыгских народов, известных в мировой истории как черкесы. У Броневского имеются интересные наблюдения и в отношении феодализма у осетин, особенно в Дигории и Тагаурии. Что касается крестьянства народов Кавказа, то оно изучено на достаточно высоком и объективном уровне для своего времени. Называя крестьянство «полезнейшим сословием» общества, С.М. Броневский подчеркивает, что оно мало чем отличается от русских крестьян в нравственном своем образовании. Как человек передовых взглядов, он, с одной стороны, подчеркивает исключительное трудолюбие крестьянства, а с другой, осуждает феодальное правление, которое держит крестьян в исключительно трудных условиях [13, с. 48]. Важно обратить внимание и на следующий аспект данной проблемы. Автор отмечает, что «продажа крестьян помещиками почитается за великий стыд» [13, с. 48]. Последнее откровение представляется очень ценным, учитывая, что С.М. Броневский об этом говорил тогда, когда в Российской империи глубоко укоренился крепостной строй, когда крестьянина могли безнаказанно не только продать, но и подарить друзьям, знакомым, родственникам и т.д. Крестьянство в Кабарде, Северной Осетии и других местах Северного Кавказа, несмотря на то, что оно так же эксплуатировалось землевладельцами, все-таки отличалось своим положением

ем от русских крепостных крестьян. Именно это имел в виду С.М. Броневский, касаясь «продажи крестьян помещиками...» на Северном Кавказе.

Отмечая заслуги первых исследователей Кавказа, в том числе и Осетии, необходимо сказать несколько добрых слов об офицере Российской императорской армии Платоне Зубове, который служил на Кавказе, а в свободное время собирал материал по истории отдельных народов. Будучи одаренным человеком, он издал книгу в четырех частях «Картина Кавказского края, принадлежащего России, и сопредельных оному земель...» [14]. Собирая материал для своего исследования, он в основном пользовался собранными в официальных учреждениях сведениями, различными военными рапортами, отчетами, справками, а также собственными наработками, то есть собранным полевым материалом. Он одним из первых объективно расписал тяжелый быт крестьянина-горца, в том числе и осетина. Разумеется, заниматься сельским хозяйством в горах, тем более в таких примитивных условиях, как это делали наши предки, было чрезвычайно сложным и изнурительным занятием, требовавшим колоссальных усилий. Конечно, такие усилия накладывали определенный негативный отпечаток на жизнь каждого отдельного горца, его характер и привычки, менталитет... П. Зубов в сочинении спорит по отдельным вопросам с предшествующими исследователями, в частности с Клапротом. Если известный немецкий ученый Ганс-Юлиус Клапрот писал, что в хозяйственной деятельности осетин в начале XIX в. в основном преобладало земледелие, то Платон Зубов утверждал, что основным занятием в то время было скотоводство. Заслуживает внимания его утверждение о том, что «малое количество плодородных земель, лишаящее осетин способов к удачному земледелию, принуждает их стараться о разведении стад, составляющих их главнейшее богатство» [14, с. 150].

В начале XIX в. все еще мало было объективной информации о народах Кавказа. Были отдельные высокопоставленные чиновники в Российской империи, кто действительно прилагал огромные усилия к тому, чтобы лучше изучить историю, культуру, традиции и обычаи народов Кавказа, которые уже становились составной частью самой большой империи. С этой целью министр финансов империи Егор Францевич Канкрин, кстати сказать, тоже иностранец по происхождению, отправил в 1827 г. записку на имя императора, где просил одобрить отправку чиновников Министерства финансов в Закавказье. Чиновники в целом успешно справились с заданием, собрав в высшей степени уникальные и заслуживающие внимания широкой научной общественности сведения о народах Закавказья, в том числе о грузинах и южных осетинах. Из этого материала можно было бы выделить записку Е.Г. Чилиева «О горских народах по Военно-Гру-

зинской дороге». Автор записки был интересным ученым, занимался философией и правовыми науками. По своим политическим убеждениям Е.Г. Чилиев относился к той категории русских интеллигентов, которые вынашивали идею революционных преобразований. С такими идеями он начал в 1821 г. служить на Кавказе в чине прокурора Верховного Грузинского правительства. В 1827 г. по заданию Е.Ф. Канкрина он составил работу «О горских народах по Военно-Грузинской дороге». Здесь он сообщает ряд интересных сведений об осетинах Трусковского ущелья. Исследователь и государственный чиновник описывает исключительную бедность и тяжелейшие условия жизни осетин. Е.Г. Чилиев подчеркивал: «Здесь бедность всеобщая: нищета является самым разительным образом» [15, с. 349]. Автор высказал ряд интересных пожеланий, которые бы, в случае их реализации на практике, могли облегчить жизнь осетин. Он отмечал, что «земля (осетин Трусковского ущелья. – *Аем.*) ничего не производит, кроме ячменя» [15, с. 349]. Учитывая исключительную бедность осетинского населения, автор сделал отдельные практические предложения для властей Кавказской администрации, которые, однако, не были реализованы.

Таким образом, в результате различных экспедиций, которые организовывала Петербургская академия наук, а также командировок одиночек-энтузиастов, исследователей истории Кавказа, в основном военных, продолжалось систематическое научное изучение народов края. В этой связи необходимо отметить еще и коллективный труд российских ученых под названием «Обозрение Российских владений за Кавказом в статистическом, этнографическом, топографическом и финансовом отношениях». Данное исследование, выполненное чиновниками гражданских учреждений города Тифлиса Василием Легкобытовым, Павлом Вышеславцевым, Дмитрием Зубаревым, Василием Григорьевым, Григорием Гордеевым, Николаем Флоренским и Александром Яновским, до сих пор считается надежным источником при изучении истории народов Кавказа. Кстати сказать, Григорий Гордеев и Александр Яновский уже в те годы написали интересные страницы истории осетинского народа. Более того, работа Александра Яновского под названием «Осетия» была посвящена истории Южной Осетии и переиздана в Цхинвале в 1993 г. тиражом в 5 000 экземпляров. Это свидетельствует не только о большой актуальности исследования А. Яновского, но и об исторической объективности, присущей данной работе. Более подробный анализ этих и других работ ждет своего объективного и вдумчивого исследователя.

Краткие выводы. Исключительно важное значение в развитии научного осетиноведения, в целом кавказоведения сыграли первые научные экспедиции Петербургской академии наук,

направленные не только в Осетию, но в целом и на Кавказ. Современные ученые-исследователи Кавказа должны лучше понимать колоссальный научный труд, связанный не только с большими трудностями, но и с риском для жизни первых ученых П.С. Палласа, И.П. Фалька, И.А. Гюльденштедта, И. Георги, Г.-Ю. Клапрота, А.М. Шёгрена, В.Ф. Миллера, А.А. Шифнера и других, которые в тяжелейших условиях проложили нам, современным исследователям, дорогу к вершинам знаний и научного поиска. Им выпала тяжелая и опасная судьба, но были и прекрасные мгновенья, связанные с успехами в научном поиске. В этой связи было бы уместно и логично увековечить их имена в названиях улиц, площадей, школ, учебных заведений Северной и Южной Осетии. Во Владикавказе именами выдающихся первопроходцев алановедения названы

улицы (ул. Шёгрена и Миллера), однако имена других выдающихся ученых остаются вне поля зрения широкой общественности. Эти имена на устах у любого ученого-осетиноведа, а широкая общественность мало что знает о них. Именно поэтому хотелось бы, чтобы о их научном подвиге знала большая часть общественности. Можно было бы отметить их в коллективной форме, например, «площадь им. первых ученых – исследователей Кавказа». Кроме того, следовало бы на исторических, юридических, других гуманитарных факультетах наших университетов ежегодно читать хотя бы краткий спецкурс о первых ученых-кавказоведах, которые так много сделали в изучении истории кавказских народов. Есть и другие формы увековечения их светлой памяти, что для нас должно быть морально-этическим правилом и гражданской позицией.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вавилов С.И. Академия наук СССР и развитие отечественной науки // Вестник АН СССР. 1949, № 2, с. 40–41.
2. Полиевктов М.А. Европейские путешественники XIII–XVIII вв. по Кавказу. – Тифлис, 1935, с. 123.
3. Pallas P.S. Bemerkungen auf einer Reise in die südlichen Statthalterschaften des Russischen Reichs in den Jahren 1793 und 1794. Leipzig, 1803, b. 1, s. 373.
4. Цибиров Г.И. Осетия в русской науке. – Орджоникидзе, 1981, с. 24–25.
5. Материалы по истории Осетии (XVIII в.). Т. 1. – Орджоникидзе, 1934, с. 216.
6. Кокеев Г.А. Осетины во второй половине XVIII в. по наблюдениям путешественника Штедера. – Орджоникидзе, 1940.
7. Глиноецкий Н.Г. История русского Генерального штаба. Т. I. – СПб., 1883, с. 122.
8. Reineggs J. Allgemeine historisch-topographische Beschreibung. s. 213
9. Абаев В.И. О языковом субстрате // Доклады и сообщения института языкознания Академии Наук СССР. 1956, № 9, с. 33–35.
10. Ахведиани Г.А. Сборник избранных работ по осетинскому языку. Кн. I. – Тбилиси, 1960, с. 160–210.
11. Балкаров Б.Х. Адыгские элементы в осетинском языке. – Нальчик, 1965, с. 29–46.
12. Миллер Г.Ф. О народах, издревле в России обитающих. – СПб., 1773.
13. Броневский С.М. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. Ч. I. – М., 1823, с. 7.
14. Zubov P. Картина Кавказского края, принадлежащего России и сопредельных оному земель, в историческом, статистическом, этнографическом, финансовом и торговом отношениях. Ч. 1-4. – СПб., 1834–1835 гг.
15. Акты Кавказской археографической комиссии. Т. VII. – Тифлис, 1878, с. 349.

REFERECES

1. Vavilov S.I. Akademiya nauk SSSR i razvitie otechestvennoj nauki // Vestnik AN SSSR. 1949, № 2, s. 40–41.
2. Polievktov M.A. Evropejskie puteshestvenniki XIII–XVIII vv. po Kavkazu. – Tiflis, 1935, s. 123.
3. Pallas P.S. Bemerkungen auf einer Reise in die südlichen Statthalterschaften des Russischen Reichs in den Jahren 1793 und 1794. Leipzig, 1803, b. 1, s. 373.
4. Cibiror G.I. Osetiya v russkoj nauke. – Ordzhonikidze, 1981, s. 24–25.
5. Materialy po istorii Osetii (XVIII v.). T. 1. – Ordzhonikidze, 1934, s. 216.
6. Kokiev G.A. Osetiny vo vtoroj polovine XVIII v. po nablyudeniyam puteshestvennika Shtedera. – Ordzhonikidze, 1940.
7. Glinocckij N.G. Istoriya russkogo General'nogo shtaba. T. I. – SPb., 1883, s. 122.
8. Reineggs J. Allgemeine historisch-topographische Beschreibung. s. 213
9. Abaev V.I. O yazykovom substrate // Doklady i soobshheniya instituta yazykoznaniya Akademii Nauk SSSR. 1956, № 9, s. 33–35.
10. Axvlediani G.A. Sbornik izbrannyx rabot po osetinskomu yazyku. Kn. I. – Tbilisi, 1960, s. 160–210.
11. Balkarov B.X. Ady'gskie e'lementy v osetinskom yazy'ke. – Nal'chik, 1965, s. 29–46.
12. Miller G.F. O narodax, izdrevle v Rossii obitayushhix. – SPb., 1773.
13. Bronevskij S.M. Novejschie geograficheskie i istoricheskie izvestiya o Kavkaze. Ch. I. – M., 1823, s. 7.
14. Zubov P. Kartina Kavkazskogo kraya, prinadlezhashhego Rossii i sopredel'ny'x onomu zemel', v istoricheskom, statisticheskom, etnograficheskom, finansovom i trgovom otnosheniyax. Ch. 1-4. – SPb., 1834–1835 gg.
15. Akty Kavkazskoj arxeograficheskoy komissii. T. VII. – Tiflis, 1878, s. 349.